

— Ты знаешь? — Цзы Цзюньнин слегка удивилась, ведь она не упоминала имена своих соседок по комнате.

Всё кончено, всё идёт по прежнему сценарию, всё провалилось. Сы Сянь сжала палочки для еды так сильно, что пальцы побелели.

— Сы Сянь, ты на меня злишься?

— Ты идиотка? — сказала Сы Сянь. — Такой шанс, и ты им не воспользовалась? Я столько всего сделала, неужели это было напрасно?

Цзы Цзюньнин прикусила нижнюю губу, молча. Она знала, что Сы Сянь рассердится, поэтому и не говорила ей. Это был первый раз, когда Сы Сянь на неё злилась, и Цзы Цзюньнин было немного грустно.

— Я больше не буду есть, — Сы Сянь отодвинула коробку с едой. — Сейчас же иди готовься. Я напишу Чэнь Но, надеюсь, ещё не поздно.

Цзы Цзюньнин замешкалась.

— Что ты хочешь поесть в следующий раз?

— Цзы Цзюньнин, что ты делаешь! Ты хочешь свести меня с ума? — Сы Сянь, казалось, была на грани срыва. Даже во время таких «жестких» допросов она не была такой взвинченной, она даже начала топтать ногами. — Разве я не могу поесть? Разве мне не хватает твоей еды?

— Когда ты рядом, я чувствую себя в безопасности, — Цзы Цзюньнин опустила голову, нервно теребя пальцы. — В Пекине слишком далеко, я не могу уснуть, мне страшно тебе об этом говорить. Если бы я была здесь, я бы знала, холодно тебе или жарко, могла бы принести тебе вентилятор или одеяло.

Голос Цзы Цзюньнин был тихим, и Сы Сянь отвернулась. По какой-то причине, после всех этих дней «тюремной жизни», она впервые почувствовала, как подступают слёзы. Горло Сы Сянь сжалось.

— Ты идиотка.

— На самом деле всё не так плохо. Видишь, я в этом университете, мне не нужно платить за обучение, каждый год получаю стипендию. Сейчас у меня есть право на поступление в аспирантуру без экзаменов, — голос Цзы Цзюньнин становился всё тише, и, видя, что Сы Сянь не реагирует, она говорила всё неувереннее. — Сы Сянь... не прогоняй меня.

Родители Цзы Цзюньнин понимали ценность обучения в «топовом вузе». Они много разговаривали с ней: если она вернётся в Пекин, они смогут за ней присматривать. Но Цзы Цзюньнин всё равно хотела поехать в Шэньчжэнь. Они, не имея другого выхода, решили уважить выбор дочери. В конце концов, она уже взрослая и имеет своё мнение.

— Не вини себя, — Сы Сянь прикрыла глаза тыльной стороной ладони, пытаясь снять напряжение в уголках глаз. — Вини меня. Всё из-за того, что я попала в эту переделку, и тебе пришлось страдать.

— Сы Сянь, ты плачешь?...

- Ты пересолила еду, — сказала Сы Сянь. — В следующий раз клади меньше соли.
- Пересолила? — Цзы Цзюньнин, казалось, только сейчас поняла. — Ты не прогоняешь меня?
- Ты слишком непослушная. Вот выйду, тогда и разберусь с тобой.
- Угу, угу, главное, что ты не прогоняешь меня, — Цзы Цзюньнин быстро закивала.
- Очень жаль, — Сы Сянь взяла кусочек еды, но её лицо всё ещё было озабоченным. — Ты пожалеешь об этом, подумай ещё раз. Видишь, возможно, я смогу выйти в этом году.
- Я связалась с Оливером, — сказала Цзы Цзюньнин. — Он сказал, что даже если ты выйдешь, то не поедешь учиться в Пекин, а будешь какое-то время развиваться в Шэньчжэне или Гонконге. Я хочу быть с тобой.
- Всё нормально...

Цзы Цзюньнин продолжала говорить сама с собой.

- Они потратили много денег, чтобы помочь тебе. Нам придётся долго работать, чтобы вернуть долг. Когда ты выйдешь, тебе нужно будет быть более экономной.

Хотя голос Цзы Цзюньнин был мягким, она говорила с твёрдостью, и Сы Сянь не могла её переубедить.

К октябрю, ко Дню национального праздника, ситуация начала проясняться. «Высшие инстанции» больше не обращали внимания на таких «мелких рыбёшек», как она. Сы Сянь и сама не ожидала, что большая часть 1996 года пройдёт в «тюрьме». Судя по всему, её восемнадцатилетие она тоже отметит здесь. Планы рушатся, и из всего, что она запланировала в начале года, мало что удалось реализовать, а то, что удалось, закончилось неудачей. Единственное, что шло более или менее гладко, — это работа со студией Фу Даоэр. Фу Даоэр действительно был редким талантом.

После октября «задержание» Сы Сянь стало более мягким, и теперь Фу Даоэр смогла связаться с ней.

- Босс, ты сильно похудела, — Фу Даоэр смотрела на Сы Сянь, их разделяли стекло и строгая охрана.

— Угу, — сказала Сы Сянь. — В последнее время тебе пришлось много трудиться.

— Это моя обязанность, — сказала Фу Даоэр. — Если бы ты не дала мне шанс, я бы сейчас не знала, кем бы стала.

Сы Сянь погладила рукав, одежда уже выцвела от стирок. Здесь не разрешали носить свою одежду. Теперь «наверху» уже не было времени на неё, и ежедневные допросы прекратились. Днём её отправляли на швейную фабрику отбывать наказание. 1996 год, всё ещё старые швейные машины.

— Сколько ещё? — продолжила спрашивать Фу Даоэр.

— Что?

— Когда ты выйдешь? Сколько ещё времени? — сказала Фу Даоэр. — Должен же быть какой-то

срок, верно?

— Я не знаю, — Сы Сянь была «особой персоной», у неё была отдельная комната, и даже на фабрике ей не разрешали разговаривать с другими. Остальные тоже не подходили к ней, боясь навлечь на себя неприятности.

Фу Даоэр не стала продолжать расспросы.

— Ли Вэй и Фан Шаофу оказали мне большую помощь. Через несколько дней их заявки на посещение будут одобрены, тогда ты сможешь поговорить с ними.

— Хорошо.

Они немного поговорили, и Фу Даоэр отправилась обратно в Пекин. Сейчас студия работала более или менее стабильно, планировалось выпустить три спектакля к концу года.

В конце октября был день рождения Сы Сянь. Восемнадцатилетие, проведённое здесь, стало «незабываемым» опытом.

— С днём рождения, — под стеклянным окном открылось маленькое окошко, и Цзы Цзюньнин взяла руку Сы Сянь. Она, казалось, была немного расстроена. — Я принесла торт, но его задержали на входе.

— Ты сама сделала? — Сы Сянь вспомнила, как пару дней назад Цзы Цзюньнин говорила о том, как взбивала яйца.

— Угу... — сказала Цзы Цзюньнин. — Ты сегодня ела лапшу долголетия?

— Ела, — дурочка, где тут найдёшь лапшу долголетия.

Цзы Цзюньнин достала шёлковый платок, аккуратно развернула его, и внутри был красный шнурок.

— Я попросила его в храме.

Сы Сянь взяла его, улыбнулась.

— Для любви?

— У меня уже есть любовь, зачем мне ещё просить, — уши Цзы Цзюньнин слегка порозовели.

— Красный шнурок, охранники не будут задерживать. Я попросила его, чтобы защитить тебя от зла.

— Хорошо, — Сы Сянь завязала его на запястье, подняла руку. — Красиво?

— Ты так похудела, — Цзы Цзюньнин смотрела на тонкое запястье Сы Сянь, оно было не просто тонким, кожа обтягивала кость, больше и не скажешь. Цзы Цзюньнин смотрела на бледное, измождённое лицо Сы Сянь. — Сы Сянь, ты получила письмо от твоего третьего дяди?

— Получила, — нет, Сы Сянь не могла написать ему.

— Что он сказал?

— Он сказал, что скоро, — хотя это было далеко не скоро.

После того как Цзы Цзюньнин ушла, Сы Сянь ещё раз посмотрела на красный шнурок на своём запястье. Она нежно погладила его, словно очень привязалась к нему. Сы Сянь думала, что не стоит быть слишком оптимистичной. Что, если она не выйдет? Неужели Сяо Нин будет ждать её всё это время? Ситуация то улучшается, то ухудшается, и никакой ясности нет. Её ответ был ли успокоением для Сяо Нин или боязнью, что та её бросит?

К ноябрю Сы Сянь уже не могла усидеть на месте. Помимо полугодового психологического давления, её окружение стало более строгим. Её больше не отправляли на фабрику, днём и ночью её держали в изоляторе. Изолятор был очень маленькой комнатой, настолько маленькой, что она не могла вытянуть ноги, тело было скрючено, голову нельзя было поднять, это было больше похоже на «нору». Тёмная, только вентиляционное отверстие давало немного света. Возможно, через несколько дней Сяо Нин тоже не разрешат навещать её.

В этот день «визит» был как обычно. Цзы Цзюньнин рассказывала о своей университетской жизни.

— Сяо Нин... вернись в Пекин... — Сы Сянь заговорила, это был первый раз, когда она попросила Цзы Цзюньнин об этом.

— Учёбы не так много, я участвую в соревнованиях по моделированию... — Цзы Цзюньнин, казалось, не услышала слов Сы Сянь.

— Вернись, не думай обо мне, — Сы Сянь уже потеряла уверенность.

— Соревнования не сложные, я хорошо подготовилась, хочу получить первую премию, за неё дают много денег...

Авторское примечание: Политическая чувствительность темы, рассказано довольно туманно, ну, ключевые слова... 1995-1997 годы... Фуцзянь...

Мой Weibo: Я еду в Египет (можно найти меня для разговора)

Мой WeChat: Южная мечта на пару лет (немного вдохновляющего)

<http://bllate.org/book/16743/1561788>